

**Рец. на кн.: Vihavainen T. Ryssäviha.
Venäjän-pelon historia. Minerva kustannus oy,
2014. 322 s. (Вихавайнен Т. Рюссиявеха . История
страха перед русскими)**

**КИЛИН
Юрий
Михайлович**

*доктор исторических наук,
заведующий кафедрой зарубежной истории,
политологии и международных отношений, директор
Института североευропейских исследований ПетрГУ,
Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, kilinyuri@mail.ru*

Аннотация:

Профессор Хельсинкского университета Тимо Юхани Вихавайнен (род. 9 мая 1947 г.) один из самых известных современных финляндских специалистов по политической истории России, автор восьми монографий по различным аспектам двусторонних отношений СССР (России) и Финляндии, включая довоенный, военный и послевоенный периоды, редактор нескольких коллективных монографий. В 2013 г. издательство «Minerva» опубликовало рецензируемую мною объемную книгу Т. Вихавайнена, главной темой которой стала история отношения к русским со стороны нескольких европейских народов: поляков, прибалтов, немцев, финнов.

© 2014 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 31 декабря 2014 года

Профессор Хельсинкского университета Тимо Юхани Вихавайнен (род. 9 мая 1947 г.) один из самых известных современных финляндских специалистов по политической истории России, автор восьми монографий по различным аспектам двусторонних отношений СССР (России) и Финляндии, включая довоенный, военный и послевоенный периоды, редактор нескольких коллективных монографий^[1].

В 2013 г. издательство «Minerva» опубликовало рецензируемую мною объемную книгу Т. Вихавайнена, главной темой которой стала история отношения к русским со стороны нескольких европейских народов: поляков, прибалтов, немцев, финнов.

В **первой главе** «Русофобия: идеология, страх, столкновение культур» автор анализирует происхождение ключевого для книги понятия «рюссиявеха»^[2], приходя к выводу о его нетождественности русофобии и специфическом финском происхождении, а также позднем рождении в сравнении с русофобией в других странах-соседях России. Несмотря на тяжелую историю русско-шведских войн^[3], на долгий период противоборства Швеции и России, когда финские дети с «молоком матери» впитывали «рюссиявеха», этот феномен, по мнению Т. Вихавайнена, приобрел характер идеологии лишь в независимой Финляндии.

Рассуждая о русофобии как о явлении, имеющем глубокие исторические корни, автор отмечает его многоаспектность. Если под русофобией понимается страх перед внешней политикой России, то в известные исторические периоды и в определенных кругах она была обоснована, а иногда — беспочвенна. Если же речь идет о горечи, вызванной известными событиями, например, разделами

Польши или массовыми казнями в Катыни, трудно отрицать оправданность такой реакции. В ряде случаев «желчное» отношение к русским как к народу объясняется предрассудками и невежеством.

Под русофобией может подразумеваться и иррациональный страх перед Россией, «русскостью» или враждебное отношение к ним. Многослойность понятия «русофобия» позволяет легко использовать его в политических целях, в тех случаях, когда заинтересованная сторона намеренно путает различные аспекты этого понятия.

Во **второй главе** «Русофобы внутри России» рассматриваются проблемы взаимоотношений между русскими с одной стороны и евреями, поляками, грузинами и финнами — с другой. По мнению Т. Вихавайнена, отношения двух славянских народов, русского и польского, уже почти тысячу лет напоминают отношения между библейскими братьями Каином и Авелем. Языковая близость двух народов, более выраженная, чем, например, у финнов и эстонцев, не только не компенсировала конфессиональные и политические противоречия русских и поляков, но, возможно, напротив, негативно на них воздействовала. Представители двух близких народов считали язык своих соседей испорченным польским или русским, иногда стремясь, как показывает история, заставить друг друга говорить на своем языке.

В **третьей главе** «Страх перед русскими усиливается в Европе» автор заглядывает вглубь истории России, обращаясь к периоду, последовавшему после свержения монголо-татарского ига. Отношение прибалтийских народов и финнов к Московскому централизованному государству, «беспощадно» подчинившему себе «более западный» Новгород, определялось атмосферой страха, который вызывался действиями Москвы, унаследовавшей от «монголов» стремление к мировому господству.

Цитируя британского историка Орландо Файджеса, автор констатирует, что с первой половины XIX века страх перед Россией, ставшей мощнейшей консервативной державой в Европе, стал центральным элементом внешней политики Великобритании, вызываясь как фантастическими представлениями о стремлении России к экспансии в духе «Завещания Петра I», так и влиянием польских эмигрантов. Планировавшие развал Российской империи, энергия которой была теперь направлена против Османской империи, англичане рассчитывали и на возможный выход Великого княжества Финляндского из состава России, идея, которая отвергалась в новом российском владении.

Как замечает Т. Вихавайнен, фактически Россия не разбалансировала Европу, а напротив, активно участвовала в подавлении попыток изменить существовавший строй, например, в Венгрии в 1849 г., а также подавляла польские восстания, пользуясь ненавистью как со стороны либералов, так и националистов.

В **четвертой главе** «Советский Союз — непримиримый враг старого мира» Т. Вихавайнен очень критично оценивает роль Ленина в революции, отмечая утопический характер его планов, хаотичные решения и итог к концу 1923 г. — «дымящиеся руины, разрушенную страну, в которой миллионы людей испытывали голод», а экономика составляла ничтожную часть от дореволюционной. Новый Советский Союз, который создал мощную экономику и в скором времени разгромил гитлеровскую Германию, построил Сталин, а не Ленин.

В этой главе автор несколько отходит от своей главной темы, увлекшись анализом хорошо известных ему внутренних процессов в сталинском Советском Союзе^[4]. Тем не менее, он делает интересные замечания о новом импульсе для русофобии, который привнесла с собой революция в России. Классические клише русофобии — стремление к экспансии и мировому господству, азиатский деспотизм и рабство — использовались и в отношении России, которая коренным образом изменила в результате революции свой общественно-политический строй.

К обстоятельствам, наполнившим русофобию новым содержанием, автор относит очевидное противоречие между декларируемыми высокими целями советского государства и прежде «невиданными кровавыми оргиями» «Большого террора» 1937—1938 гг., когда, кроме прочего, в ходе проведения т.н. «национальных операций» в СССР было расстреляно более 8 тысяч финнов.

В **пятой главе** «Рюссявиха в Финляндии» автор размышляет об анализируемом им феномене, исходя из того, что Великое княжество Финляндское и остальная часть империи жили фактически отдельно друг от друга благодаря широкой автономии первого. В конце XIX века русских в Финляндии насчитывалось до 6 тыс., и они составляли ничтожное меньшинство среди 2,7 млн коренного населения страны, финнов и шведов. По мнению Т. Вихавайнена, несмотря на усилия раздувавших в отношении финнов вражду русских «феннофобов», в нормальных условиях, «в среднем», в Финляндии не испытывали в отношении русских вражды, для этого между народами было слишком мало контактов. Как небольшой и поэтому уязвимый народ финны скорее стремились инстинктивно дистанцироваться

от России и русских.

В начале XX века численность русских в Финляндии стала довольно быстро увеличиваться, на городских улицах появились символы империи, включая двуглавого орла и вывески на русском языке. Эта «русификация», как замечает автор, проводившаяся в весьма скромных масштабах, вызвала в финском обществе несоразмерную реакцию, появился страх перед тем, куда могут завести эти мероприятия. Возник настоящий страх, как раз то, что и означает в переводе «фобия». Считая, что мероприятия по сплочению народов империи являются антиконституционными, финское общество не стало им подчиняться, сопротивляясь всему, что пытались сделать власти империи.

В независимой Финляндии некоторые крупные организации, такие как Карельское академическое общество (КАО), использовали «рюссявиха» как главный инструмент идеологии, как Евангелие, призванное сплотить народ молодого государства и усилить его обороноспособность. Отдельной проблемой был раскол финского народа в результате гражданской войны, и разжигание страха и враждебного отношения к русским стали для радикальных сил средством созидания национального духа.

В **шестой главе** «От войны к финляндизации» рассматривается воздействие зимней войны на умонастроения в Финляндии. Говоря о высокой религиозности тогдашнего финского общества, автор отмечает, что многие финны считали войну между СССР и Финляндией противостоянием Христа и Антихриста и были полны решимости дать отпор врагу. Финны противостояли «идеальному врагу», будучи преисполнены уверенности в правоте своего дела и считая позиции врага «наглой ложью». Как полагает автор, уверенность в том, что они справятся с превосходящим противником, финны, по крайней мере отчасти, черпали в настроениях предвоенных десятилетий с характерными для них страхом и враждой к русским. Надежды возлагались и на восстание русских крестьян против угнетавшей их советской власти, «колосса на глиняных ногах».

Зимняя война дала мощный импульс враждебности и страху в отношении русских. Строившаяся на циничных и фальшивых основаниях Карельским академическим обществом «рюссявиха» получила мощное подкрепление. В этих условиях, как отмечает Т. Вихавайнен только «истинные гуманисты» могли подняться над «национальной враждой и страхом». После подписания мирного договора 13 марта 1940 г. в Финляндии царила «абсолютная вражда в отношении русских». Объясняя этот феномен, автор полагает, что он был вызван не столько идеологической враждой, которую проповедовало КАО или «программной враждой», сколько гневом вследствие лжи и нарушения норм международного права со стороны СССР. Другого объяснения для активного участия в войне представителей левых и крайних левых политических сил Финляндии, по его мнению нет.

В **седьмой главе** «От холодной войны к новой России» автор отмечает, что в 1970-е гг. финская интеллигенция создала новую духовную атмосферу, в которой на смену представлению о финнах как маленьком героическом народе, противостоявшем силам тьмы, прежде всего в лице СССР, пришло представление о народе приземленном, ошибавшемся и грешном, относившемся к своему большому соседу неблагодарно, шовинистически и по провинциальному. «Рюссявиха» в Финляндии стала в духе времени пониматься как феномен с классовой подоплекой — финская буржуазия одинаково ненавидела и финских и русских рабочих.

В **восьмой главе** «Учит ли чему-нибудь история?» автор задается вопросом: может ли русофобия, по крайней мере, в форме страха перед новой Россией вновь актуализироваться в Финляндии. По его мнению, результаты исследований о потенциальной агрессивности соседа, публикуемые в Финляндии, и фиксация финской прессы на вооруженных силах России свидетельствуют о скрытом страхе в финском обществе, правда, не имеющем отношения к ксенофобии. Отмечая «совершенно идиллический характер» российско-финляндских отношений, которым были отмечены большие промежутки времени совместной истории, Т. Вихавайнен замечает, что отношения России со всеми другими своими соседями не имеют такой долговременной традиции добрососедства.

Этой традиции в известной мере противоречит популярная в средствах массовой информации современной Финляндии тема вооружения России, потребляя которую «не ужаснется» только трезвомыслящий человек. Тема возможной полномасштабной войны в финской прессе обсуждается как нечто собой разумеющееся, хотя авторы этих материалов пока не смогли правдоподобно объяснить, что может заставить Россию проводить такую «неестественную» политику.

«Дровами», разжигающими в финском обществе беспочвенную, по мнению автора, русофобию, прежде всего являются «массивная иммиграция» русских в Финляндию^[5], требования к финнам приспособляться к нормам, привычным для иммигрантов и территориальные требования^[6].

Для того, чтобы избежать в будущем серьезных проблем в двусторонних отношениях, автор,

досконально знающий их историю, советует не заниматься взаимным запугиванием, что делают «безответственные личности» по обе стороны границы, а положиться на принципы открытости и честности.

Заканчивая свою книгу, Т. Вихавайнен приходит к оптимистичному выводу о том, что враждебность не органична для финляндско-российских отношений. В ходе истории русофобия, враждебность по отношению к русским, были типичными для всех соседей России. В отличие от этого, российско-финские отношения характеризовались взаимной симпатией и дружбой, чем были отмечены продолжительные исторические периоды как в XIX так и в XX веке. Эта традицию следует продолжить и в XXI веке.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] О Т. Вихавайнене: http://en.wikipedia.org/wiki/Timo_Vihavainen и http://fi.wikipedia.org/wiki/Timo_Vihavainen

[2] «Ryssäviha» можно перевести как «враждебное отношение к русским».

[3] История противостояния Швеции и России зафиксирована, например, в названии шин фирмы Нокиа Hakkareliitta. В переводе с финского языка этот боевой клич финской тяжелой кирасирской конницы «Hakkaa päälle!» означает «Руби голову!» — Прим. рецензента.

[4] См. например: Vihavainen T. Stalin ja suomalaiset. Helsinki: Otava, 1998.

[5] Русская община в Финляндии самая крупная из всех иммигрантских общин, она насчитывает до 60 тыс. человек. Русские — второе по численности после шведов национальное меньшинство в стране.

[6] Автор говорит о территориях, утраченных Финляндией по итогам Второй мировой войны.